

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Алексей ПЕРЕЛЫГИН

Ель с березой — антитеза.
Я их долго, трудно резал.
Мастерства размах и зрелость
Оживить мне захотелось.

Наконец готова рама,
Но молчит она упрямо
И висит на стенке плоско,
Как неструганые доски.

Видно, замысел свой тонкий
Я не ждал, как ждут ребенка.
И живет Буратины
Не бывает древесины.

Окно без скрипа приоткрылось
В чужую ночь, в свое минувшее.
Старушка чутко затаилась
Слова невнятные подслушивать.

А за окном в тени рябиновой
Смелел пацан и сердце жалобил
Желаньем дерзким голубиновым
Своей избранницы и алиби.

На стульчике, как девка сенная,
Старушка скисла в сон нечаянно.
И без свидетелей Вселенная
Была по-рыцарски подарена...

Явь разбудила светом солнечным,
Жарой и скукою окислена.
Жизнь суматошная до полночи
Неинтересна и бессмысленна.

Все доведки теперь неуместны
К брачной тайне, сошедшей на нет.
И не рядом, напротив невесты
Пил вино посаженный поэт.

А невеста хмельными устами
Подслащала закуски стола
И была не в себе, не с гостями,
Она замужем нынче была.

Над завалами свадебной снеди
Под фавор молодых огурцов
Улыбалась родным и соседям
И смеялась поэту в лицо.

Заслоняясь хрустальной посудой,
Пил поэт за упущенный грех
И селедкой под красною шубой
Заедал поражающий смех.

Он желал ей до самой могилы
Винных рек и хребтов золотых,
Полагая, что мир справедливый
Бесконечно делим на двоих.

Леонид ФОМИН

По телевизору войну показывали,
Плескали всполохи огня.
А старики слезу размазывали,
Махру некрепкую кляня.
Они — бывалые солдаты.
— Правей, — кричали, — за бугор!
Взяв костыли, как автоматы,
По-боевому, на упор.
Прошли деды

сквозь дым прогорклый,
Победу видя впереди.
Звенят медали об осколки,
Что затаились в груди.

Последнее совместное мгновение
Запечатлел бесстрастный аппарат.
И в городах, и в маленьких селениях
Те снимки пожелтевшие хранят.
Их достают по праздникам и датам,
Разглаживают бережно утлы,
Глядят в глаза

молоденьким солдатам,
Тем, что с войны вернуться
не смогли.
Глядят в глаза

Глядят сквозь лихолетье.
И обжигают памятью сердца.
Те снимки пожелтевшие в конверте
Перечеркнуты строками свинца.

п. Долгое.

Что такое «мусорный день»? «Мусорный день» — это почти как праздник. Во всяком случае так его ждут. А случается он раз в неделю — у нас это воскресенье. Именно в этот день по улице сверху вниз неторопливо, с длинными остановками, проезжает мусоровоз. Давно уже кем-то определены конкретные места, где грохочущая и дребезжащая машина останавливается, водитель как бы нехотя выкарабкивается из кабины, с глубокомысленным видом манипулирует рычагами сбоя кузова, и огромная шарнирная рука ставит на землю мусорный контейнер. А народ уже давно собран, организован и сплочен. Впрочем, по порядку.

Мусоровоз проводит тотальную чистку улицы примерно с часу до трех дня. Но ещё до полудня над нашей дверью визгливо кричит звонок: в калитку, боюсь собаки, которой давно нет, просовывается соседка тетя Надя и торжественно возвещает: — Сегодня — мусор!

Об этом никто не забывал, но соседку всё равно благодарят за хорошую весть. Ещё полчаса спустя отец начинает собираться.

— Пойду, — говорит, — на пост. Мама возмущается: — Куда ты? Только половина первого. Тебе что, до поста полчаса идти, что ли?

Но это нужно понимать: этого события целую неделю ждала вся улица, на которой сегодня необычайнолюдно. Не удаляясь от своих калиток, прохаживаются разно одетые обыватели. Кое-кто уже вынес и поставил — пока на этой стороне улицы — пластиковые ведра, оцинкованные выварки, полиэтиленовые пакеты с мусором. Каждый поочередно подходит к проезжей части и напряженно всматривается вдаль. Народ пока разогревается общением с непосредственными соседями.

Другой наш сосед, Борис, выходит, как всегда, в сопровождении собачонки — сегодня это черная белая Муха, значит, Жучка была в прошлый раз. Борис озабоченно спрашивает: — Будет сегодня, не знаешь?

Отец не знает, но говорит, что нужно надеяться. Они начинают лениво обсуждать различные бытовые проблемы. Муха, не очень то обращая внимание на приставшего уличного кобеля, живо интересуется содержимым чужих мусорных ведерок.

Ближе к часу народ, прихватив свои емкости с мусором, начина-

в свою клюшку и заснула этакой треногой.

Подтянулась и ребятя, которой нет дела до собственно мусора, но раз уж собрался народ, стало быть, будет весело. Гомонят, салки затеяли.

Настроение праздничное, сравнимое разве только с атмосферой майских демонстраций прошлых времён, когда люди вот так же выходили из домов утром и, прежде чем отправиться по своим организациям и построиться в

Андрей ФРОЛОВ

Рассказ

«МУСОРНЫЙ ДЕНЬ»

ет перемещаться на другую сторону улицы, к месту остановки мусоровоза.

Вот тут-то и разворачивается действие, ради которого, собственно, все и собрались, — живое общение по полной программе. Кумушки, в обычные дни не имеющие причин встретиться для обсуждения свежиспеченных новостей, собираются в небольшие группки и буквально рвут эти самые новости друг у друга из рта. Хвастаются зятями, прикупившими автомобили, шубы их дочкам, хрустальные люстры и кухонные комбайны. Проклинают зятьев пьющих и нерадивых. Осуждают беспутную Нинку, заведущую «нового хахаля», и Верку-дуру, от которой сбежал «мужик-золото».

— Петрович, выпьешь? — это мужики уже расположились на крыльце одного из домов близости. Здесь беседы ведутся традиционно о «правильной политике президента», о том, что «шуку лучше брать в половодье, по мутной воде», о том, что «Спартак» вчера облажался не по-детски. По кругу ходит одинокий стакан, зато закуска припасена у каждого.

Притащилась, тяжело опираясь на клюку, древняя бабка из углового дома. В пластмассовом ведре погромыхивает коробка из-под кефира. Подошла к очередному впередсмотрящему, прошамкала беззубым ртом: — Не видать, сынок?

Получив отрицательный ответ, поудобней уперлась хилой грудью

колонны, кучковались на родной улице, выпивали, шутили — общались, словом.

— Едет!!! — сверху вниз прокачилось по улице.

На секунду, вздрогнув, приостановились ребята, подобрались и теснее сплотили ряды взрослые. Действительно, в конце улицы, круто уходящей вверх, к вокзалу, показался трудно ещё различимый, но безошибочно узнаваемый мусоровоз.

Убедившись в неотвратимой близости апогея праздника, граждане возобновили разговоры, которые сделались более оживленными. Мальчишки с новой силой продолжали беготню и чуть не сшибли старушку, повисшую на клюке. Ведро с грохотом покатило по асфальту проезжей части, потеряв на ходу кефирную коробку.

— А ну, цыть! — неожиданно громко и грозно крикнула просящаяся бабка и, будто спохватившись, едва слышно проскрипела, неизвестно к кому обращаясь: — Не видать, сынок?

Ведро тут же вернули, сунув туда одинокую коробку.

— Видать, бабка, видать, — за всех ответил Николай из дома, что напротив нашего. — Уже на Индустриальном стоит

Следующее после Индустриального переулка место остановки мусоровоза — наше. Тут уже из калиток начинают выглядывать те, кто до сих пор отсиживался дома. Это которые или не в ладах с улицей, или молодые

домохозяйки, коим с общественностью поделиться ещё нечем.

И вот мусоровоз скрипит тормозами и тяжело отдувается — прибыл! Контейнер установлен на землю и готов к заполнению. Но...

— Стоять! — громко командует водитель мусоровоза, закрывая грудью мусоровместилце.

Люди с уже занесенными для броски ведрами и пакетами удивленно замирают. Только старушка с клюкой, наверно, по причине глухоты деловито ковыляет к контейнеру и вываливает туда свою пресловутую картонку. Завершив ритуал, она не спешит уходить домой, а отходит в сторону и снова повисает на клюке.

грудь и удерживать от распахивания вниз. Получается плохо, дамочки краснеют и готовы провалиться сквозь землю вместе с ведрами.

Трамвайное движение временно остановлено. Вагоновожатый понимает, что стихию не остановить, и даже не пытается нажимать на кнопку звонка — привыв. Минимум десять минут трамвай будет стоять, пережидая, пока людской поток, катящийся через рельсы в обоих направлениях, станет жиже.

Контейнер наполняется быстро, граждане сноровисто бегают за новыми партиями отходов, торопясь выбросить всё, что можно. Те, что поопытней, вышли семьями и за одну ходку вынесли, кажется, чуть ли не весь имеющийся у них скарб.

Издаലെка, сгибаясь под тяжестью полиэтиленового мешка, приплелся дядя Роман — ему ближе на Индустриальный, но весь мусор сплавить там он не успел.

— Роман, по всей улице собирают? — шутит кто-то.

Водитель уже трижды дергал рычаги, и шарнирная рука размашисто опрокидывала контейнер во чрево мусоровоза. Опыт подсказывает, что четвертого раза не будет — впереди ещё почти пол-улицы. Суматоха постепенно гаснет.

— Больше не принимаю! — кричит водитель, вскакивая на подножку. — Учтите, в следующий раз...

Не закончив, он снова досадливо машет рукой, прыгает в кабину и зло рвёт машину с места.

Всё. А народ не расходится. Возбуждение, на смену которому приходит благостное удовлетворение: большое дело сделали — надо бы sprysнуть понастоящему. Что мужики и намерены осуществить, собираясь неподалёку, в тенёчке под липами. Потом кто-то принесёт низкий столик, достанут домино и будут, сдержанно матерясь, стучать костяшками уже дотемна. Женщины тоже не уходят, продолжая делиться впечатлениями о своей и чужой, да вообще — о жизни, в целом нелёгкой, но всё же дарующей редкие радости и оставляющей надежду на будущее хотя бы в виде чумазых ребятишек, весело скачущих по уютным тротуарам родной улицы.

Заканчивается воскресный день. Заканчивается праздник, не быть которого просто не могло — ведь «все плотют».

г. Орел.